

Д.И. Крымский,
доцент департамента частного права
факультета права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук

Профессионализация гражданского судопроизводства и процессуальная добросовестность

В качестве одной из современных тенденций развития процессуального права и правоприменительной практики можно, несомненно, выделить усиление требования добросовестности в использовании процессуальных прав, адресованное участникам судопроизводства. Подтверждением этой тенденции является не только планомерное развитие соответствующего научного дискурса о процессуальной ответственности, противодействии злоупотреблениям в судебном процессе¹, но и судебной практики², а также заявления официальных лиц³.

¹ Вопросы о злоупотреблениях правами в судопроизводстве отчасти затрагивались в диссертациях *О.В. Аксеновой* «Субъективные гражданские права и их осуществление в гражданском процессе» (2004), *Д.В. Малыгина* «Гражданская процессуальная норма» (2005), *К.А. Ширяевой* «Объективность судебного разбирательства в гражданском судопроизводстве», и – более глубоко и целенаправленно – в диссертациях *М.А. Боловнева* «Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами» (2018), *А.А. Жукова* «Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве» (2022), *М.Р. Загидуллина* «Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы» (2022), *А.В. Яхимовича* «Эстоппель в гражданском судопроизводстве» (2022) и др.

² Напр., добросовестность как принцип правосудия регулярно упоминается Верховным Судом РФ (абз. 2 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», абз. 2, 5 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 46). Вместе с тем, как справедливо замечает М.А. Фокина судебная практика «демонстрирует неоднозначное отношение к категории «злоупотребление процессуальным правом» (*Фокина М.А.* Злоупотребление процессуальными правами: соотношение духа и буквы закона // Вестн. гражд. процесса. 2022. № 1).

³ В 2017 г. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев предлагал «в целях исключения злоупотребления процессуальными правами ... предусмотреть принцип процессуальной добросовестности по аналогии с таким же принципом в материальном праве» (См.: Лебедев предложил изменить ГПК и АПК // Право.RU. URL: <https://pravo.ru/news/view/141199/?cl=AV> (дата обращения: 23.11.2023)).

Интересно, что при этом сами процессуальные кодексы весьма лаконично упоминают категорию добросовестности (термин «добросовестность» и однокоренные ему слова упоминаются в АПК РФ и ГПК РФ по девять раз, термин «злоупотребление» фигурирует значительно реже). Так, требование добросовестности обращено к лицам, участвующим в деле (ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ), а также иным участникам судопроизводства: добросовестность ожидается от специалиста при даче им консультации (ч. 2 ст. 87¹ АПК РФ), судебного примирителя (ч. 2 ст. 138⁵ АПК РФ, ч. 2 ст. 153⁶ ГПК РФ), а также лица, которому поручено ведение дела в интересах группы лиц (ч. 2 и п. 2 ч. 4 ст. 225¹⁰⁻¹ АПК РФ, ч. 2 и п. 2 ч. 4 ст. 244²² ГПК РФ).

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что принцип добросовестности, наряду с некоторыми иными принципами (такими как правовая определенность, разумность, транспарентность, эффективность судопроизводства, обоснованность судебных актов, сотрудничество¹) относится к числу дискуссионных², поскольку его содержание до конца не определено и какое-либо единое понимание отсутствует как среди ученых, так и практиков.

Несправедливо будет и сказать, что проблема добросовестности не попадала в орбиту процессуальной науки. Данная проблема была знакома и дореволюционной науке. Так, А.Н. Гедда еще в 1910 г., позитивно оценивая опыт правового регулирования в австрийском уставе гражданского судопроизводства, отмечал, что с таким явлением как недобросовестность в суде гражданском «нельзя не считаться, против него необходимо должны быть приняты самые серьезные, самые решительные меры»³. Уже позднее,

¹ См., напр.: *Греггер Р.* Сотрудничество как процессуальная максима // Закон. 2016. № 1; *Федина А.С.* Внедрение принципа добросовестности в законодательство о гражданском судопроизводстве // Вестн. ТвГУ. Серия «Право». 2017. № 3; *Аболонин В.О.* Принципы добросовестности и сотрудничества в «новом» гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8; *Шеменева О.Н.* Развитие идеи о сотрудничестве сторон в ходе реформы гражданского процессуального законодательства 2018–2019 гг. // Реформа гражданского процесса 2018–2019 гг.: содержание и последствия: коллектив. монография / под ред. М.А. Фокиной. М., 2021.

² См. подробнее: *Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства* / под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2021.

³ *Гедда А.Н.* Недобросовестность сторон в гражданском процессе (Заметки из судебной практики) // Журн. Министерства юстиции. Январь 1910.

в советский период, А.А. Мельников исследовал отдельные средства, обеспечивающие исполнение норм гражданского процессуального законодательства со стороны злоупотребляющих субъектов¹, а М.А. Гурвич призывал «не закрывать глаза на то, что отдельные граждане не достигли надлежащего уровня понимания задач социалистического правосудия и своего долга перед судом»².

Тем не менее, именно в последние годы отчетливо видна существенная активизация исследований феномена добросовестности и смежных с ним категорий, направленных на борьбу за добросовестное поведение в процессе и воздействие на нарушителей, злоупотребляющих процессуальными правами.

Одновременно с этим мы являемся свидетелями другой значимой тенденции – развитие идей о профессионализации судопроизводства и усиление начал добросовестности в правосудии. Здесь следует отметить как соответствующие изменения законодательства, уже состоявшиеся (ч. 3 ст. 59 АПК РФ, ч. 2 ст. 49 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 28.11.2018 № 451-ФЗ) и ожидаемые³, так и общий вектор научного дискурса⁴, заявлений официальных лиц и проектов программных документов⁵. В целом, усиление профессионализации правосудия – это, можно сказать, одно из проявлений влияния идеологии, представлений о модели отправления правосудия и правовой политики в этой сфере, влияние которой на процессуальное право нельзя сбрасывать со счетов⁶.

¹ Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон. М.: Наука, 1973.

² Гурвич М.А. Право на иск: учеб. пособие. М., 1978. С. 49.

³ Законопроект № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об унификации норм гражданского процессуального законодательства), внесенный Верховным Судом РФ (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 32 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

⁴ См., напр.: Прокудина Л.А. Судопроизводство в арбитражных судах: тенденции к профессионализации // Право. Журн. Высш. школы экономики. 2008. № 2; Момотов В. Профессионализация судебного представительства: системный подход // Новая адвокат. газета. № 18. Сентябрь 2017; Фокин Е.А. Обеспечение доступности правосудия в условиях профессионализации российского арбитражного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020; Васяев А.А. Адвокатура в правозащитной системе Российской Федерации: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

⁵ Напр., обсуждавшийся в 2017 г. проект «Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи», подготовленной Минюстом России.

⁶ Аргунов А.В. О взаимосвязи политической идеологии и процессуального права // Арбитр. и гражд. процесс. 2021. № 7.

Синхронизация этих двух активных в настоящий период времени тенденций в развитии процессуального законодательства создает почву для вопросов о соотношении, взаимосвязи и взаимном влиянии этих двух тенденций друг на друга. Важным с точки зрения процессуальной политики представляется определение того, не противоречат ли они друг другу, усиливают или ослабляют друг друга, и каковы потенциальные риски при дальнейшем развитии этих направлений. На эти вопросы должна ответить наука процессуального права, основываясь как на эмпирических данных и правоприменительной практике, так и применимых доктринальных разработках, учитывающих, в том числе, междисциплинарные связи с социологией, психологией и другими гуманитарными науками¹.

Отсутствие в законе требований нравственного ценза, предъявляемых к судебным представителям, может привести к значительному затягиванию и запутыванию судебных процессов, как это было в Российской империи до реформы 1864 г.², вызванной необходимостью введения института присяжных поверенных. По мнению председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова именно «профессионализация судебного представительства позволяет воздействовать на недобросовестных представителей граждан и организаций», которые злоупотребляют своими процессуальными правами, подрывая авторитет ко всему правосудию в целом³.

Представляется, что однозначно сказать о пользе профессионализации для целей усиления начал добросовестности невозможно. Этот вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. С одной стороны, профессиональные участники могут быть связаны этическими нормами профессии, стандартами, что, безусловно, способствует корректному поведению в судебном

¹ Востребованность таких методов неоднократно подчеркивалась в современной процессуальной науке. См., напр.: Курочкин С.А. Судебные реформы и эффективность правосудия // Весн. гражд. процесса. 2023. Т. 13. № 4.

² Васьковский Е.В. Организация адвокатуры: в 2-х т. Т. 1. Очерки всеобщей истории адвокатуры. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1893. С. 43.

³ Момотов В.В. Профессионализация судебного представительства: системный подход // Новая адвокат. газета. 2017. № 18.

процессе (при наличии должным образом функционирующего института репутации, а также механизмов ответственности, в том числе за возможные нарушения в рамках профессионального сообщества), а с другой – отлично ориентируясь в хитросплетениях закона, способны затягивать рассмотрение дела, вводить суд в заблуждение и т.д.

Так, А.Н. Гедда еще в 1910 г. отмечал, что «крестьяне всегда говорят правду на суде и не прибегают ни к каким недобросовестным приемам... Легко объяснить, почему крестьяне не проявляют недобросовестности на суде в виде пользования процессуальными возможностями с целью стеснить противника. Они не знают закона, не знают и этих возможностей». «То же самое, – продолжает А.Н. Гедда, – можно сказать и о тех делах, где тяжущимися являются хотя и не крестьяне, но люди простые, может быть и образованные, но малознакомые с судом и судебным делом, несведущие в законах... они, обыкновенно, также открывают на суде всю правду, ничего не утаивая и не прибегая ни к каким приемам с целью затянуть или затемнить дело». При этом «в совершенно иных условиях протекает процесс, когда он ведется тяжущимися, хорошо знакомыми с судопроизводством, осведомленными с материальным правом, или когда тяжущиеся представляются на суде адвокатами», хотя «по самому существу их профессиональных обязанностей, по долгу принятой ими присяги, казалось бы, от них-то скорее всего и следовало бы ожидать правильного и добросовестного ведения дела»¹.

Эти тезисы разделяются и современной наукой. Так, Р.А. Осипов отмечает, что «зачастую правонарушители ... обладают более качественными правовыми знаниями, нежели законопослушные граждане, которые они используют в интересах, противоречащих общественным», то есть «правовые знания, определяющие содержание правовой информированности, вовсе не выступают гарантом правомерного поведения»².

¹ Гедда А.Н. Недобросовестность сторон в гражданском процессе (Заметки из судебной практики) // Журн. М-ва юстиции. Январь 1910.

² Осипов Р.А. Правовая информированность и правосознание граждан (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 20.

В связи с этим и само государство в лице правоприменителей иногда проявляет настороженность к профессиональным участникам процесса, «маркируя» их как потенциальных нарушителей. Уместно вспомнить для иллюстрации этого тезиса резонансное (и достаточно быстро отмененное) письмо ФНС России от 10.07.2018 № ЕД-4-15/13247 «О профилактике нарушений налогового законодательства», в котором участие адвоката в допросе свидетеля было указано в качестве одного из обстоятельств-признаков недобросовестного поведения налогоплательщика.

Наконец, в этом вопросе не следует недооценивать и то, что и профессиональные участники, как и «обычные», подвержены тем же рискам деформации, психологическим проблемам и т.д. Эти широко известные «простому обывателю» проблемы не обходят стороной и специалистов с юридическим образованием, что неоднократно отмечалось в ряде специализированных научных работ¹. Упоминаются и иные, не очень лестные для участников процесса тенденции, связанные с упадком искусства судебной речи, представления своей позиции по спору, коммуникативных и отчасти даже интеллектуальных способностей².

С этой точки зрения, представляется, что в науке процессуального права созрели достаточные условия для постановки вопроса о том, влияет ли профессионализация (и насколько) на правосудие, его осмысления на современном этапе развития права и общества. Коль скоро идет речь о формировании принципа и концепции добросовестности в судебном процессе, необходимо качественно исследовать, ведет ли дальнейшее углубление профессионализации к тому, что процесс становится более добросовестным, этичным, эф-

¹ См., напр.: *Скабелина Л.А.* Психологические аспекты адвокатской деятельности: монография. М.: Федерал. палата адвокатов, 2012; *Светова Л.Н.* Психологические особенности профессиональной деформации адвокатов: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2020; *Грамматиков В.В.* Деформация профессионального правосознания в современной России (на примере адвокатской деятельности): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. Имеются и исследования, изучающие использование психологических методов для целей противодействия судом недобросовестному поведению участников разбирательства. См.: *Бедрацкая А.В.* Психолого-правовые технологии противодействия злоупотреблениям в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2013.

² См., напр.: *Васючкова О.А., Афонин В.П.* Правовой инфантилизм: размышления о том, как возродить искусство судебной речи // *Вестн. гражд. процесса.* 2023. Т. 13. № 4.

фективным. Не означает ли усиление профессионализации, происходящее на фоне все большего внимания практики и законодателя к поиску мер воздействия на недобросовестное процессуальное поведение, что профессионализация процесса является средством борьбы с таким поведением. Или же, наоборот, что усиление профессионализации и привело к наличию таких злоупотреблений, их все более широкому распространению, раз потребовалось все более частое апеллирование к принципу добросовестности.

М.В. Маматов,
заведующий отделом
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук

Некоторые аспекты применения прокурорами полномочий при вступлении в дела, рассматриваемые арбитражными судами

В соответствии с традицией современного цивилистического процесса прокуроры обладают полномочиями вступать в дела, рассматриваемые судами, которые инициированы иными лицами. Это актуально и для арбитражного судопроизводства, где интенсивность соответствующей работы органов прокуратуры существенно возросла после расширения¹ законодателем в октябре 2022 г. их процессуальных возможностей – всего за этот год с участием прокуроров арбитражными судами рассмотрено 723 дела такого рода (для сравнения в 2021 г. – 351, в 2020 г. – 357)².

Согласно ч. 5 ст. 52 АПК РФ прокурор вправе вступить в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности:

¹ Закон № 387-ФЗ.

² Выборочные данные из формы ГАС «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» за 2020–2022 гг. (утв. приказами Генерального прокурора РФ от 29.05.2018 № 322, от 08.02.2022 № 72).